

7. Новиков В. И., Шкловский Е. А. Энциклопедический словарь для юношества / Владимир Иванович Новиков, Евгений Александрович Шкловский. Литературоведение от «А» до «Я». – М.: Современная педагогика, 2001. – 528 с.
8. Одышева А. Феномен Гарри Поттера в современной культуре / Анастасия Одышева // Динамика культурной ментальности в системе гуманитарного образования XXI века. – Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2004. – С. 121–125.
9. Пропп Вл. Я. Морфология <волшебной > сказки. Исторические корни волшебной сказки / Владимир Яковлевич Пропп. – М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.
10. Рабинович Е., Блюмбаум А. «Детектив напоминает нам, что почему» / Елена Рабинович, Аркадий Блюмбаум // Критическая масса. – 2002. – № 1. – С. 45–50.
11. Ратке И. Гарри Поттер и расколдовывание мира / Ратке И. // Вопросы литературы. – 2005. – № 4. Июль-август. – С. 149–160.
12. Сенников П. Гарри Поттер. Опасность Магии / Павел Сенников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://harrypotter.moy.su/publ/stati/statja/pravda_o_garri_pottere_dejstvitelno_li_dzhoan_rouling_satanistka/3-1-0-4. – Загол. з екрану.
13. Филиппов Л. Джоан Роулинг как зеркало мировой реэволюции / Леонид Филатов // Звезда. – 2003. – № 10. – С. 209–216.
14. Хайфилд Р. «Гарри Поттер» и наука. Настоящее волшебство: [пер. с англ. Б. Кобрицова и М. Финогенова] / Роджер Хайфилд. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 448 с. – (Серия «Маскульт»).
15. Элгауз Е. Л. Трансформация мотива смерти в волшебной сказке в английской литературе XX-XXI вв. / Елена Леонидовна Элгауз // Пограничные процессы в литературе и культуре: [сб. ст.]. – Пермь, 2009. – С. 139–142. – (Мировая литература в контексте культуры).

УДК 82-3 -63

Миресаивили М.Э.
(Тбилиси, Грузия)

ПРЕФИГУРАЦИЯ МИФА В РОМАНЕ XX ВЕКА

Міф став одним із центральних понять соціології й теорії культури ХХ століття. У сучасному романі міф використовується як спосіб акцентування певних ситуацій і колізій з античної або біблійної міфології (пряним шляхом або шляхом контрастного порівняння). Саме техніку префігурації (тобто «уведення» міфологічних мотивів і архетипу в роман) розглядає автор даної статті.

Ключові слова: міф, префігурація, полівантність, “логічний реалізм”, параболізм.

Миф стал одним из центральных понятий социологии и теории культуры ХХ века. В современном романе миф используется как способ акцентирования определенных си-

туацій и коллизій из античної или біблейської міфології (прямым путем или путем контрастного сравнения). Именно технику префигурации (т.е. «введение» міфологіческих мотивов и архетипа в роман) рассматривает автор данной статьи.

Ключевые слова: миф, префигурация, поливантность, «логический реализм», параболлизм.

The myth has become one of the fundamental concepts of xx century sociology and culture theory. In the contemporary novel the myth is employed as a mode of accentuation of certain situations and collisions from the ancient and biblical mythology (directly or by means of contrastive juxtaposition) .

Key words: Myth, prefiguration, diversity, “logical realism”, parabolism.

Известно, что во все времена и эпохи мифу отводилась значительная роль в сфере теоретического и философского мышления. Несмотря на различное отношение к мифологии, миф стал одним из центральных понятий социологии и теории культуры XX века. По мнению Елеазара Мелетинского, такая реинкарнация мифа основывается на новом, апологетическом отношении, когда миф рассматривается как вечно живое воплощение [1 : 10].

В специальной литературе указывается, что в начале XX века писатели обращались к мифу более часто с целью отразить кризисную культурно-историческую ситуацию [2 : 67]. В период социальных переломов в интеллигентных кругах Западной Европы утвердилось мнение, согласно которому под тонким слоем культуры действуют вечно разрушительные, демонические силы, которые непосредственно исходят из природы человека, общечеловеческих, психологических и метафизических начал [3 : 35].

Стремление вырваться из социально-исторических и пространственно- временных рамок с целью выявления общечеловеческой сущности было одной из причин перехода от реализма XIX в. к модернизму. В этой ситуации мифология (по причине характерной для нее символичности) оказалась весьма удобной для всех, приемлемым «языком» для передачи вечных моделей личного и общественного поведения. В процессе рассуждения о проблеме «миф – литература» принимаются во внимание две существенные тенденции: а) в современном романе миф используется не как глобальная модель, а как способ, который предоставляет возможность акцентирования определенных ситуаций и коллизий из античной или біблейської міфології (прямым путем или путем контрастного сравнения). Именно технику префигурации (т.е. «введение» міфологіческих мотивов и архетипа в роман) рассматривает английский автор Джон И. Уйат в монографии «Мифология в современном романе», в которой анализируется около сорока романов XX века (в том числе Дж. Джойса «Улисс», Дж. Апдайка «Кентавр»), в которых использован сюжет «Одиссеи» Гомера [4]; б) с другой стороны, в специальной литературе выделилось своеобразное явление, для обозначения которого в западной критике был принят термин «магический реализм» (позднее этот термин приняли и наши литературоведы).

В отличие от западноевропейского мифологизированного романа XX века, который не опирается на фольклорные традиции, в латиноамериканских и афро-азиатских романах архаичные фольклорные традиции и фольклорно-мифологическое узнавание (даже в форме пережитка) сосуществуют рядом с модернистским интеллектуализмом чисто европейского типа. Такая «многослойная» структура является результатом

ускоренного культурного развития (особенно в XX в.) этих народов. «Эта своеобразная культурно-историческая ситуация дает возможность сосуществования историзма и элементов мифологизма, социального реализма и фольклора, или вообще органического синтеза», – отмечает известный исследователь латиноамериканского романа XX века В. Кутейщикова [5 : 87].

Вышеуказанные тенденции стали знаменательны в 70-80-ых годах для грузинской, русской, эстонской, украинской, армянской и других национальных литератур постсоветских стран. С одной стороны, префигурация встречается в мифологизированных романах О. Чиладзе, Ч. Амiredжиби, Г. Дочанашвили, Я. Кросса, Э. Ветемаа и др.; что же касается «магического реализма», то он в различном виде и в различной дозе проявляется в разных национальных литературах (Т. Бибилури, Ч. Айтматов, Т. Пулатов, А. Айвазян и др.) и объяснение этой тенденции лишь влиянием латиноамериканской литературы нам кажется неправомерным. Мы попытаемся проследить указанную проблему на примере таких романов, для которых характерны надвременность, надпространственность или наличие нескольких пространственно-временных континуумов, что дает возможность выделить еще одну характерную черту романов такого типа – различение, поливариантность, параболичность.

С 70-ых годов под укоренившимися в литературных кругах понятия параболичности подразумевалось такое качество реалистической философской прозы, когда с духовной и философской точки зрения произведение содержало значительно больше, чем фиксировалось описываемыми в нем явлениями; понятие параболичности подразумевало некий прорыв, выход на основные закономерности бытия. Можно выделить два признака параболичности: а) обозримость, что подразумевает подчинение всех сюжетных линий авторской тезе. Это подчинение не бросается в глаза с первого взгляда, пока читатель знакомится с рядом явлений, но оно чувствуется на протяжении всего произведения и в конце – четко вырисовывается; б) с другой стороны – поливариантность, амплитуда которой может быть весьма широка (от «чистого бытия» до «предвидения чистым разумом»).

Заметим, что за художественной разработкой мифологических и библейских мотивов в грузинской литературе последовало видовое изменение библейских сказаний; художественная обработка тематики Ветхого и Нового Завета в творчестве разных писателей проявилась в различной форме. Иллюстрацией вышесказанного является нашумевший роман Г. Дочанашвили **«Одарю тебя трижды»**, в основе сюжетной канвы которого лежит притча (наряду с другими библейскими сказаниями) о блудном сыне. У большинства действующих лиц романа есть несколько архетипов (напр. в образе протагониста – Доменико – травестированы блудный сын, Спаситель, а также Божье слово).

В связи с вопросом о сюжетном расслоении романа во времени и пространстве вполне можно разделить высказываемое в грузинской литературной критике мнение, что оно должно быть связано с вертикальной моделью характерного для грузинского мифологического мышления универсума, который предусматривает деление мира на три слоя: поднебесный, средний слой, преисподню [6 : 107-111].

Путешествие Доменико по кругам связано с описанным Е. Милетинским ритуалом инициации, который подразумевает отрыв молодого человека от привычной обстановки, различного рода испытания, ритуальное очищение и возвращение в родную обстановку.

Необходимо отметить, что в Магалсопели время статично, оно не меняется время становится динамическим тогда, когда Доменико возвращается домой и становится настоящим обладателем отцовского сокровища – первой ризы. Учитывая финал романа, можно сказать, что расшифровка понятий времени и пространства основывается на подсознательном ощущении; обе категории осубъективлены в психике героя, так как все, что произошло с Доменико, было не в действительности, а только в его представлении.

Целенаправленно употребляет в своем творчестве миф Чингиз Айтматов. Если проследить за творчеством писателя, явно заметим, как увеличивается в его романах удельный вес мифологизирования, его практические аспекты. В романе **«И дольше века длится день»**, по признанию самого писателя, мифы и легенды представляют собой метод мышления, средство восприятия и интерпретации современности.

Идейно-философскую ось произведения представляет легенда о пастухе Манкурте, человеке, которого завоеватели силой заставили утратить историческую память, чувство духовного и эмоционального родства с родным народом. Сюжетное расслоение романа содержит три аспекта: линия Анны – Байт (матери Манкурта) во время легендарных сарокезов (прошлое); линия Эдигей Жангельдина – современный период (настоящее); фантастическая линия исполнителей операции «Обруч» (будущее). Надо отметить, что писатель впервые в своем творчестве обратился к фантастике, но разные миры, разные системы взяты им не как историческая реальность, а как «правила игры» – чтобы в парадоксальной, гиперболизированной форме представить ситуацию, за которой следуют тяжелые для человечества итоги.

Несмотря на тщательно выписанные даты, главный герой романа Эдигей Жангельдин воспринимается независимым от времени и пространства, «вечно земным» образом, который глубоко ощущает «прошлый опыт далеких времен древнего человека» и который «тихо произносит слова погребения, предназначенные всем и каждому, в какой бы эпохе он не жил; и так же непреходящих для тех, кому суждено родиться в будущем». Таким образом, Эдигей представляет образ-символ, «художественная концепция которого пронизана сознательным историзмом и основывается на осмыслении национальной участи как личностной мифологемы» [7 : 215].

Аналогично роману Г. Дочанашвили, и в романе Ч. Айтматова представлена мифологическая целостность мира; в этом мифическо-эпическом мире все взаимосвязано: жизнь и смерть, люди и природа, конкретное и абстрактное. Единство природы и бытия человека, подчеркивается эпитетом «буранный»; он определяет и человека и верблюда, и собаку, и место их обитания.

К взаимоотношению мира и человека Ч. Айтматов вновь возвращается в романе **«Плаха»** (1986). Писатель пытается постичь экологические проблемы в связи с душевным состоянием человека. По его мнению, грубое вмешательство в природу, изменение естественного русла рек ведет к деформации человека, личности. Именно с учетом указанного момента роман предстает как единое целое; в противном случае нам пришлось бы разделить мнение тех представителей литературной критики, которые рассматривают указанное произведение как отдельные автономические зоны, связанные авторской мыслью, роман, построенный по принципу коллажа [8].

По замыслу автора, одна из основных сюжетных линий романа связана с линией семьи волков (Акбара и Ташчайнар); благодаря особенному полемическому замыслу

волки предстают носителями той нравственной силы, благородства, чего так не хватает большинству представленных в произведении персонажей. Среди персонажей романа (Бостон, Базарбай, Кандалов и др.) особое место занимает Авдий Калистратов. Автор попытался вывести совершенно новый образ, показать духовную эманацию «человека, который следует вере и идеалу, притом так, что ничем не подкрепляется, никем не внушается» [9, 153].

В образе Авдия некоторые критики попытались найти носителя некоего великого символа (чуть не Спасителя). В других растерянность вызвал тот факт, что Ч. Айтматов искателем нравственных ценностей показал не уже традиционного, укоренившегося в литературе, вышедшего из недр народа героя (напр. Бостон), а личность, находящуюся в процессе духовного поиска, которая часто ошибается (и, в конце концов, очередная такая ошибка оканчивается трагически).

Среди русских литературоведов резкую реакцию вызвало появление в «Плахе» библейских образов Христа и Пилата Понтия. Отмечалось, что сцена их диалога ассоциируется с романом М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (С. Аверинцев, В. Кожин, А. Адамович) [10, 9-10]. На наш взгляд «Мастер и Маргарита» М. Булгакова не является в этом случае первоисточником; каждый писатель (христианин или нехристианин) имеет право прочитать Ветхий и Новый Завет, по-своему интерпретировать библейский миф, который будет способствовать лучшему восприятию представленных проблем. Другое дело, насколько творчески подошел автор к этому вопросу, и какое качество художественной убедительности будет иметь его интерпретация.

Интерес вызывает и вопрос развития хронотопа в романе: если в предыдущем романе пространственно-временной континуум включал в себя три аспекта (легендарный, современный, фантастический), в «Плахе» действие разворачивается в первом и двадцатом веке; в романе архаическое и архисовременное представлены не отдельно (хотя и не рядом), а во взаимосвязи, так как согласно концепции автора открытая в прошлом истина обязательно должна быть упрочена будущими поколениями.

Таким образом, стремление литературы к противостоянию этических, эстетических категорий увеличило интерес писателей к мифическо-притчевому направлению. В мифологическом романе XX века прослеживается усиление параболической поэтики; особое внимание уделяется проблеме хронотопа (характерны надвременность или наличие нескольких пространственно-временной континуумов); на жанровые особенности романа влияют как традиционные, так и современные, характерные для модернистического стиля и направления художественные средства (психологизм, мифологическое направление, фольклорные элементы, «внутренняя речь»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М., 1976.
2. Затонский Д. Искусство и миф. ж. «Иностранная литература», №6, 1965.
3. Каули М. Три цикла развития мифов в американской литературе / В кн.: Дом со многими окнами. М., 1973.
4. J. I. White, *Mythology in Modern Novel, A Study of prefigurative Techniques*, Princootn, 1971.

5. Кутейщикова В.Н. Роман в Латинской Америке XX века // Вопросы литературы, №4, 1972.
6. Киквидзе З. Мифические аспекты пространства и времени в романе Г. Дочанашвили. Журнал «Дискари», №3, 1999 (на груз. яз.).
7. Жулинский И.С. Человек в литературе. Киев, 1975.
8. Литературная газета, 1987, 1 I. Круглый стол «ЛГ».
9. Бочаров А.Г. Литература и время. – М.: , 1988.
10. Литературная газета, 1981. – с. 5; 1986, 15 X.

УДК 821.161.1-82-1”19”

Солошенко-Заднепровская Н.К.
(Харьков, Украина)

АНАЛИЗ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ:

(Д. Самойлов. Свободный стих («В третьем тысячелетии...»))

Статья посвящена віршу Д. Самойлова, який розглядається у контексті пушкініани поета. Наведено, що форма вільного вірша була обрана для висловлювання думки щодо російської історії, події якої у культурній свідомості представлені як єдиний сюжет.

Ключові слова: історизм, ремінісценція, хронотоп, іронічне зниження.

Статья посвящена стихотворению Д. Самойлова, которое рассматривается в контексте пушкинианы поэта. Показано, что форма свободного стиха была избрана для выражения мысли о русской истории, события которой в культурном сознании представлены как единый сюжет.

Ключевые слова: историзм, реминисценция, хронотоп, ироническое снижение.

The article deals with D. Samoylov's poem, which is considered in the environment of the poet's "pushkiniana". It's demonstrated that configuration of free verse was chosen for expressing thinking about Russian history, which events in cultural consciousness are presented as the whole story.

Key words: historicism, reminiscence, chronotop, ironic decreasing.

Стихотворение «Свободный стих («В третьем тысячелетии...»)» занимает в пушкиниане Д. Самойлова свое место. К моменту его создания он был уже автором «Старика Державина», «Из детства», «Поэта, Пестеля и Анны», «Святогорского монастыря» и других произведений, свидетельствующих о плодотворности и неизменности пушкинской темы в его творческом сознании. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать стихотворение «Свободный стих («В третьем тысячелетии...»)». Лишь в нескольких работах речь заходила о нем, хотя исследователи не предпринимали попыток его целостного анализа.